

ЧЕРНАЯ МЕССА

С. А. Куспысь

По ту
сторону
зазеркалья

Киев
2020

**УДК 821.161
К94**

Серия «Черная месса»

Куспысь С. А.

К94 По ту сторону зазеркалья : роман. — Киев : Издательство Лира-К, 2020. — 400 с.

ISBN 978-617-7910-09-0

Книга «По ту сторону зазеркалья» является второй из серии «Чёрная месса», которая глубоко раскрывает философию сатанизма.

В городе один за другим пропадают дети. Жителей города охватывает ужас и паника.

Удастся ли сотрудникам правоохранительных органов выйти на след людей, спланировавших это страшное преступление?

И опять в центре всех событий оказывается главная героиня романа Саша Косенко, которой, помимо ее воли, пришлось столкнуться с таинственными событиями, вовлекшими ее в расследование этого непростого дела.

Сюжет книги держит читателя в напряжении от начала до конца.

Автор предупреждает, что все события в книге вымышленные и любые совпадения с реальными лицами является чистой случайностью.

УДК 821.161

ISBN 978-617-7910-09-0

© Куспысь С. А., 2020

© Издательство Лира-К, 2020

Глава 1

— Сашка, вставай, — раздался возмущенный голос Влада, — еще немного и ты опоздаешь на суд.

— Никогда, — сонно проворковала Саша. — Будь человеком, дай полежать.

И она зарылась головой в подушку.

— Ах так, — Влад воинственно направился из ванной комнаты, которая прилегала к спальне, к лежащей Саше. — Бой бездельникам и тунеядцам.

И он бесцеремонно начал тормошить ее, стягивая одеяло.

— Вот так всегда.

Саша села и улыбнулась мужу, излучая утреннюю свежесть и энергию хорошо отдохнувшего человека. Но взглянув на часы, резко соскочила с кровати.

— Влад, караул! Я действительно могу опоздать на суд.

— Предупреждал же некоторых, — вздохнул Влад, с грустью подумав о том, что опять расстается с Сашей на целый день и что с тех пор, как она ушла со следствия, ничего не изменилось.

Сам он уже давно занимался бизнесом, на что у него уходило немало сил и энергии, и жили они не в двухкомнатной квартире во Львове, а в трехэтажном особняке недалеко за городом, где Надежда Егоровна, мать Саши, и двое детей занимали первый этаж, а они с Сашей — второй. Третий этаж, где кроме жилых комнат, находилась сауна, гостеприимно принимал гостей.

Когда делали ремонт, никаких дизайнеров в дом не приглашали. Саша весь дом обустроила по своему вкусу, и теперь каждая комната имела свое настроение.

Бледно-голубая спальня с нежной лепниной на потолке, итальянской белоснежной мебелью с множеством зеркал в форме морских волн и японским ковром под ногами, на котором посередине затейливым орнаментом было написано в переводе с японского языка «Семейное счастье». Саша очень дорожила этой вещью. Он достался ей случайно от одного бывшего дипломата, работавшего в Японии и выехавшего за границу на постоянное место жительства. Ковер был ручной работы, и Саша понимала,

какая ценность ей досталась, и честно предупредила об этом человека, продавшего его ей.

Но он пренебрежительно махнул рукой.

— Детка, в жизни бывают ценности намного выше, чем этот ковер. Вот, например, Родины уже не вернуть уже ни мне, ни вам. Когда-то дворяне покидали революционную Россию и рвались потом всем сердцем к ней, а теперь старая интеллигенция покидает свою страну, где процветают коррупция и бандитизм, и будет страдать ностальгией за своей землей до конца жизни. Вот так-то. А вы нормально себя здесь чувствуете?

Саша часто вспоминала этот разговор и говорила потом Владу, что почему-то до сих пор испытывает необъяснимое чувство вины перед этим человеком.

Кроме спальни, на втором этаже был большой зал со старинным камином темно-зеленого цвета, кожаной мягкой мебелью того же оттенка, массивной из дуба стенкой, где находилась изысканная посуда, а также Сашина коллекция различных фигурок ручной работы, привезенных ею из Греции, Италии или купленных у любителей старины. На полу лежал ковер цвета слоновой кости и пурпуровые шторы, сочетавшиеся с золотым атласом, сшитые первоклассными мастерами, завершали интерьер зала.

На стене, соединявшей первый и второй этажи, висели картины и портреты членов семьи в золоченных старинных рамах, выполненные талантливыми художниками.

Сашин кабинет был предметом особой гордости и самой любимой комнатой для свободного времяпрепровождения. Здесь находилась вся собранная ее мамой и ею самой библиотека всемирных классиков и современных писателей.

Такой же индивидуальностью отличалась каждая комната в доме, и Саша чувствовала себя здесь как рыба в воде. Влад уже знал от Сашиной мамы, что все ее родственники по отцовской линии были отпрысками старинного рода, из которого брала начало царская фамилия Романовых.

Но что для Влада было действительно удивительным, так это игра генов у самой Саши. Выросла она без отца в скромной обстановке и своих родственников-аристократов в глаза не видела, но чувствовала себя среди роскоши свободно и раскованно,

не идеализируя ее, но и не отрицая заложенной в ней потребности жить среди красивых и изящных вещей.

Но не только это перешло к Саше от ее предков. Благородство и непоказной патриотизм не раз удивляли Владу в различных ситуациях. Иногда он ей говорил:

— Саша, сейчас модно восстанавливать свое аристократическое происхождение.

— Ну да. И буду размахивать своим древом предков в прокуренной камере своим клиентам, — отвечала Саша. И на этом тема закрывалась.

А сейчас Влад стоял и наблюдал, как Саша заканчивает сборы.

Через несколько минут синий «Мерседес» мчался в сторону Львова.

Глава 2

Саша никогда не говорила Владу, что безумно скучает за своей бывшей работой. И не за функциональными обязанностями следователя, а за напряженной нагрузкой ума, без чего ее жизнь казалась иногда серой и будничной, несмотря на идеально налаженный быт. Она загоняла эту тоску внутрь себя, но та иногда без разрешения выходила на свободу и требовала ответа за долгое заточение. В такие минуты Саша металась из угла в угол, стараясь унять как всегда не вовремя пробудившееся отчаяние. Как оппозицию в этот момент она приглашала совесть, которая не могла позволить ей по какому-либо поводу ныть или выражать недовольство, так как в жизни у нее все было удивительно гладко и хорошо.

У Саши был верный и любящий муж, двое здоровых, прекрасных сыновей, которых ставили в пример другим детям, просторный дом, личные автомобили, престижная работа и все прочее. Но от этих аргументов ей почему-то становилось еще хуже. Начинала вступать в дебаты логика, и можно было сделать бесспорный вывод, что не все в порядке в «Датском королевстве» и что по ту сторону зазеркалья спрятаны проблемы, и в глаза она боялась взглянуть открыто. Такие себе монстрики, грозящие превратить весь ее налаженный быт в одно мгновение в сгоревшие руины и похоронить под

ними счастье ее детей. А их благополучием она не собиралась жертвовать ни при каких форс-мажорных обстоятельствах.

С клиентурой у Саши с самого начала прихода в адвокатуру никаких особых проблем не было. Для начала ее, как и всех начинающих, загружали, согласно соответствующей статье Уголовно-процессуального кодекса, бесплатными делами, так называемыми сорок седьмыми, за которые Саша взялась со всем запалом своей неистощимой энергии. А за ними к ней потянулась абсолютно нормальная клиентура, наслышанная о ее добросовестном и профессиональном подходе к делу.

И если некоторые адвокаты, высоко оценивающими себя специалистами, могли сквозь зубы процедить, что адвокатами становятся через многие годы работы в юридической коллегии, то Сашин наставник еврейской национальности, выехавший позднее в Канаду, говорил Саше открыто:

— Александра Анатольевна, я прожил долгую жизнь и более тридцати лет проработал адвокатом, поэтому могу себе позволить категорические суждения. Никто еще не стал юристом, если им не родился. Многие наши коллеги вам не годятся в подметки. Но есть и очень достойные люди. Именно у них я вам и советую начинать учиться.

Саша и начала. Только в первую очередь у своего наставника. И со временем, пообщавшись с другими коллегами, была удивлена, что редко можно услышать положительный отзыв одного адвоката о другом. Но это касалось, как правило, посредственностей. Люди талантливые с удовольствием делились своим опытом и признавали честно и открыто профессионализм других. И таких адвокатов, к великому Сашиному счастью, в городе было немало.

Приступая к очередному делу, Саша изучала его от корочки до корочки, даже если ее подзащитный полностью признавал свою вину. Она никогда не отступала от принципа, что все в этой жизни должны подходить к своему делу предельно скрупулезно, поэтому безжалостно писала ходатайства по делу, если, конечно, это не противоречило интересам клиента, и совсем не наоборот. Предельно лаконично, ясно она выступала в судах, не зарываясь в собственные эмоции и стараясь донести основные мысли до ушей присутствующих.

Спустя некоторое время она начала зарабатывать достаточно для того, чтобы помочь Владу открыть собственное дело, который на тот момент остался почти без работы, так как завод, где он работал в профкоме, закрылся, да и как профессиональный музыкант он реализовать себя не мог, так как людям в первые годы после развала Советского Союза было не до веселья. И поэтому вокально-инструментальный ансамбль, которым он руководил, постепенно развалился, и его участники искали работу, чтобы можно было прокормить свою семью.

Саша полностью взяла на себя все юридические тонкости ведения бизнеса и через некоторое время отдала бразды правления Владу, возглавившему туристическую фирму с уже отлично отлаженным механизмом. Самой Саше была интересна только та часть, где можно было применить себя без остатка. Рутинная работа для нее интереса не представляла.

Очень скоро Влад почувствовал себя полноправным хозяином фирмы, забыв о том, что в свое время отговаривал Сашу открывать собственное дело. А Саша была счастлива. Наконец-то все стало на свои места. Влад был при деле, а для нее открывались новые рубежи самореализации. И она буквально благословляла каждого клиента, которому необходима была ее помощь. Его позиция всегда была для нее безоговорочной, и она не лезла ни к кому в душу, выискивая истину.

И еще она не забыла тот день, когда ее, следователя по особо важным делам областного Управления милиции, могли вывести в наручниках из здания городской прокуратуры за преступление, которого она не совершала. И только друзья и его Величество случай спасли ее от тюрьмы. Поэтому если человек признавал себя виновным, она со рвением, вооруженная до зубов всеми возможными доказательствами, отстаивала его непричастность к преступлению.

Вот так обстояли дела на тот момент, когда Влад подвез ее к зданию областного суда, где слушалась очередная кассационная жалоба в отношении ее клиента.

Глава 3

Виктор Игнатенко, заместитель начальника Управления внутренних дел по оперативной работе, раздосадованно метался по кабинету. Его стол был завален сводками о пропаже детей в области. Они уходили из дому и больше не возвращались. Отчаявшиеся родители атаковали начальство жалобами на бездействие сотрудников милиции.

«Какое к черту бездействие?!» — подумал в очередной раз Виктор и хлопнул кулаком по столу. Все оперативники были поставлены на ноги, не зная ни дня, ни ночи. Но до сегодняшнего дня даже зацепиться было не за что, хотя прорабатывалось немалое количество версий. Дети исчезали, и все. И не было обнаружено ни одного следа, который бы мог привести к истине.

Игнатенко решительно поднял трубку и набрал номер телефона своего давнишнего друга и коллегу, тоже подполковника, Виталика Шевчука, занимавшего должность начальника одного из самых крупных отделов службы безопасности области.

— Виталик, ты ничего не смог для меня выяснить?

— Нет, Виктор, — серьезно ответил тот. — Хотя вся наша лучшая агентура поставлена на ноги.

— И что ты можешь предположить? — упавшим голосом спросил Виктор.

— Не знаю, — честно ответил Виктор, — от этого дела какой-то чертовщиной несет.

— Не то слово, — вздохнул Игнатенко, — ни свидетелей, ни детей, ни следов, ни даже предположительного способа похищений.

— Не учитывая одного случая, — уточнил Виталик, — когда видели пропавшую четырехлетнюю девочку на руках мужчины, похожего на монаха.

— Ну да. Можно походить на кого угодно, если месяц не встречаться с бритвой и зеркалом.

— Ты забыл, что на нем был балахон.

— Это абсурд и фантазия нашего единственного свидетеля. В этой одежде на него каждый обращал бы внимание.

— И никто точно не смог бы описать его внешность, — спокойно возразил Виталик, — тем более, что шел дождь и длинный плащ

с капюшоном никого не удивил. В результате мы имеем показания только одного очевидца, который не может описать ни возраста, ни черт лица мужчины, несшего ребенка. Лишь кроме того, что он имел неопрятную бороду и относительно длинные волосы.

— Или парик со всеми атрибутами.

— Или парик, — согласился Виталик. — Но от этого легче не становится.

— Но как могло пропасть бесследно такое большое количество детей? — отчаянно спросил Виктор.

— Да исчезали они по-разному. Кто из садика, пока воспитатель зазевался, кто со школы, кто возле дома, пока родители ходили домой за чем-то необходимым. Да что я буду тебе говорить, ты лучше меня все это знаешь.

— И все дети до восьми лет.

— От четырех до восьми. Причем, как мальчики, так и девочки, — уточнил Виталик, — и тут есть от чего взвыть всем нам.

— Виталик, наверное, можно надеяться, что похищения не связаны с сексуальными преступлениями? — с волнением задал вопрос Виктор, боясь получить положительный ответ.

— Не думаю, — ответил Виталик после паузы, — страшные последствия уже дали бы о себе знать.

— Ну что же это такое? — тихо спросил Виктор. — С чем мы столкнулись, Виталик? Ведь о выкупе до сегодняшнего дня тоже никто не заявил.

— Это мы и будем выяснять. Не впадай в отчаяние. Будем надеяться, что на днях хотя что-нибудь прояснится.

Виктор положил трубку и обхватил голову руками.

В дверь постучали. Игнатенко поднял измученное лицо. О цели визита он понял по выражению лица вошедшего. Пропал еще один ребенок. Прямо с детской площадки около дома.

Глава 4

Сан Саныч Бойченко был известным авторитетом среди братии. С ним считались, его уважали, приглашали на званные обеды, обсуждали конкретные дела и обращались за помощью в трудные минуты. Не брезговали знакомством с ним и люди иного круга. Ему почтительно жали руки высокопоставленные чиновники и солидные мужчины с не менее солидными погонами на плечах.

В итоге, бывший спортсмен, а в настоящее время преуспевающий шестидесятилетний мужчина, брался решать любые вопросы, взямая за это хрустящие зелененькие купюры. Короче говоря, это была «крыша» многих солидных предприятий, и от этого Сан Саныч получал не только материальное удовлетворение, но и безмерное чувство собственного достоинства. Пойти против Сан Саныча было делом чрезвычайно рискованным, и таким смельчакам приходилось очень скоро жалеть о своих отчаянных поступках. Причем, их начинали преследовать одновременно люди как из криминального мира, так и правоохранительных органов, и вполне естественно, что кто-то из них быстро расправлялся с провинившимся.

Но такие случаи встречались очень редко, и Сан Санычу не приходилось нервничать по поводу непослушания заинтересовавших его лиц.

Жил Сан Саныч в центре города, в солидном особняке, охраняемом со всех сторон верными людьми и кинокамерами, и проникнуть туда простому смертному было не под силу.

В этот день, в восемь утра, как обычно, бодро выглядевшему после бассейна Сан Санычу подали завтрак в просторную столовую, обитую вагонкой из карельской березы, с огромным камином посередине, где всегда трещало горевшее дерево, даже если стояла весна, но на улице было хотя бы немного прохладно. Возле камина находилось любимое кресло-качалка Сан Саныча, сплетенное настоящим мастером, а на нем лежал плед из овечьей шерсти, привезенный из Закарпатья. Бросалось в глаза, что Сан Саныч отдавал должное народным умельцам, и при удобном случае умел это подчеркнуть.

Сан Саныч вел здоровый образ жизни. Он признавал только раздельное питание и поэтому свой день начинал с любых каш,

запивая их соками, а на обед предпочитал мясо или рыбу с обилием овощей. Короче, углеводы с белками не совмещал категорически.

И когда пришел начальник охраны и сообщил о прибывших гостях, Сан Саныч мирно поглощал гречневую кашу, не сомневаясь в покое и безопасности своей крепости.

— Кого принесло в такую рань? — спокойно спросил он.

— Заславского, — ровным тоном ответил тот, назвав фамилию авторитетного «вора в законе».

Паниковать перед шефом было признаком дурного тона, но появление этого человека в доме Сан Саныча ничего хорошего не предвещало.

— Так, — Сан Саныч отодвинул в сторону тарелку, — интересно, что нужно этому бандюку?

Себя Сан Саныч, конечно, относил к другой категории. А в городе давно велись разборки за сферы влияния между бывшими спортсменами, создававшими свои преступные группировки, и «ворами в законе». И хотя этих самых «воров» осталось считанное количество в стране, с ними в уголовном мире нельзя было не считаться.

— Пускай войдет, — задумчиво сказал Сан Саныч.

Заславский уверенной походкой вошел в столовую. Лицо его было хмурым и озобоченным. Без всяких лишних церемоний он сразу приступил к делу.

— Вчера ночью возле игрального клуба в центре твои, Сан Саныч, на «стрелке» разборку устроили и даже умудрились из ствола пальнуть. Не по понятиям ведут себя твои люди. И это не первый раз.

— А чего не поделили? — мягко спросил Бойченко.

Сан Саныч явно кривил душой, и санкцию на эту самую разборку он дал лично, причем, с конкретным указанием поставить на место зарвавшихся блатных.

— Я вижу, что даром потратил время. Не хочешь по-хорошему говорить, встретимся при других обстоятельствах.

Заславский резко поднялся со стула.

— Ладно, ладно, сядь. Не будем же мы еще и между собой ссориться. Мои ребята, безусловно, погорячились. Но ведь и твои оборзели малость и не в свои сани полезли.

— Это пиццерия принадлежала нам с давних времен, а твои бритоголовые всунули туда свои бошки и получили по заслугам.

— Вот ты, Вовчик, правильно сказал, с времен давних. А времена-то меняются, и нужно начинать жить днем сегодняшним, а не норовить во вчерашний вернуться. Реальная действительность такова, что пора на вещи смотреть трезвыми глазами и твердо уразуметь, что с нами тягаться не стоит. И если мы говорим, что объект наш, значит, это факт.

И Сан Саныч посмотрел прямо в глаза Заславскому, дав понять, что разговор по душам окончен, а продолжение мирным быть не обещает.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил Заславский не менее твердым тоном, не отводя взгляд от лица Сан Саныча.

Сцепив зубы, он вышел из столовой, выдав свое волнение только бледным цветом лица. А Сан Саныч задумчиво смотрел на двери, размышляя над тем, что только что приобрел кровного врага, который никогда не простит ему подобного унижения, а будучи родом с Кавказа, обязательно вспомнит нанесенное оскорбление. И поэтому решил нанести удар первым.

Удалив из помещения охрану, он подошел к телефону и, набрав номер, начал напряженно ждать ответа. Услышав голос на другом конце провода, не терпящим возражения тоном Сан Саныч сказал:

— Загляни-ка ко мне сегодня в часиков этак пять. Посидим возле камина, погреем свои старческие кости.

— Это вы себя-то, Сан Саныч, в старики записали? — бодро ответили Сан Санычу. — Но я обязательно буду.

— Не к месту нам с тобой молодиться, Михаил Константинович. Старость уже на пороге стоит и костылем кривым двери колотит. Так будем встречать ее с достоинством, не увиливая от свидания всеми возможными способами.

Михаил Константинович Зоренко, начальник уголовного розыска управления области, положил трубку и подумал, что это понадобилось старому хрычу в нерадушном, мягко говоря, состоянии духа. Сан Саныча он не переваривал, но не считаться с ним было невозможно. Много лет назад его, инспектора уголовного розыска районного отделения милиции, попросили сопровождать груз до границы